

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Саратовская государственная
юридическая академия»,
доктор юридических наук, профессор
Белоусов Сергей Александрович

«31» марта 2026 г.

О Т З Ы В

ведущей организации о диссертации о диссертации

Куфлевой Валентины Николаевны

«Теоретические основы учения о лице, совершившем преступление»,
представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Предваряя подробное рассмотрение содержания и параметров докторской диссертации В.Н. Куфлевой, отметим сразу, что уровень диссертационного исследования, степень аргументации выводов, они сами позволяют отнести эту диссертацию в разряд значимых событий в уголовно-правовой науке.

Актуальность темы исследования

Субъект преступления, или лицо, совершившее преступление, на протяжении нескольких веков были в центре внимания и законодателя, и уголовно-правовой доктрины. Защищались и кандидатские, и докторские диссертации на эту тему. Однако, полностью разделяем мнение диссертанта: «По большому счету, наука до сих пор имеет весьма отрывочные, несистемные и противоречивые представления о том, кто выступает субъектами уголовного права, чьи и какие интересы должны быть положены в центр всех нормативных построений в уголовном прав» (с. 22 диссертации). Пожалуй, несистемность знания о лице, совершившем преступление, неувязка этого знания с другими положениями уголовного права и закона, а также бесконечные споры в науке

по поводу даже лежащих на поверхности проблем анализируемого в диссертации понятия, в частности, понимания субъекта как физического и / или юридического лица, или опасного состояния личности и его учете в криминализации, составляют основу того, почему сейчас эта тема является и актуальной, и востребованной. А с современными реалиями присутствия в нашей жизни искусственного интеллекта, правовую оценку статуса которого еще предстоит давать, ««лицо, совершившее преступление» всецело может претендовать на статус одной из важнейших категорий в аппарате уголовно-правовой науки» (с. 127 диссертации).

Нисколько не умаляя труды многочисленных исследователей субъекта преступления, следует отметить, что пришла пора и настоятельная необходимость, с одной стороны, ревизии накопленного научного знания в этой области, с тем, чтобы попытаться отказаться от всего устаревшего, несистемного, несовременного, существующего в этом знании, и, с другой, сформулировать новые, приближенные к нынешней реальности положения о лице, совершившем преступление, через призму понятия преступления, и прежде всего, общественной опасности как его признака, установления влияния понятия лица на те меры, которые в отношении него следует применять, чтобы получить эффективное действие уголовной политики и всей уголовно-правовой материи. Диссертант со всем этим блестяще, на наш взгляд, справилась.

Объект исследования - общественные отношения, складывающиеся в процессе уголовно-политического оформления, нормативного закрепления и практической реализации концепции, определяющей статус лица, совершившего преступление, в уголовном праве - определен в полном соответствии с названием работы. Нет претензий и к предмету исследования.

Цель исследования, поставленная перед собой В.Н. Куфлевой, - разработка уголовно-правового учения о лице, совершившем преступление, на основе аргументации теоретических положений, раскрывающих закономерности формирования его правового статуса, а также определяющих его роль и значение в механизме установления, дифференциации и реализации уголовной

ответственности, - ею достигнута за счет последовательного решения задач, обозначенных в работе.

Не вызывает сомнений методология и методика исследования. *Методологическая основа* диссертационного исследования определена основными принципами диалектики (всеобщей связи явлений, системности, причинности и историзма), системным подходом к изучению права, междисциплинарными познавательными возможностями конституционного правопонимания и гносеологическим потенциалом аксиотелеологической интерпретации нормативных правовых актов. Использовались как общенаучные, так и частно-научные методы уголовно-правовых исследований, что нашло отражение на страницах диссертации.

Теоретическая база исследования. Помимо широко используемой уголовно-правовой литературы по глобальным и узким вопросам, имеющим отношение к теме диссертационного исследования, автор обращалась к доктринальным источникам по общей теории права, уголовной политике, криминологии, и т.д. Общее количество доктринальных источников, указанных в библиографическом списке, нашедших подтверждение на страницах диссертации, приближается к восьми сотням.

Нормативная база диссертации состоит из Конституции РФ, общепризнанных норм и принципов международного права, Уголовного кодекса РФ, УПК РФ, УИК РФ и иных нормативных правовых актов различной уровневой и отраслевой принадлежности, а также из исторических российских уголовно-правовых документов. Автор обращалась и к зарубежному опыту решения проблем субъекта преступления.

Эмпирическая база диссертации включает в себя: результаты анализа и обобщения правовых позиций Конституционного Суда России по вопросам конституционного толкования уголовно-правовых норм и уточнения правового статуса личности (106 постановлений и 59 определений, принятых в период с 1995 по 2025 гг.); материалы изучения документов, отражающих процесс законотворческой деятельности: тексты четырех законопроектов

и сопровождающих их документов, размещенных на официальном Интернет-сайте Государственной Думы Федерального Собрания РФ, и предполагающих корректировку нормативных предписаний о лицах, совершивших преступление; итоги обобщения правовых позиций высшей судебной инстанции, отраженные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (всего – 44 документа); материалы исследования в общей сложности 420 итоговых судебных решений судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, в том числе связанных с оценкой поведения лиц, совершивших преступление впервые (185 документов), совершивших преступление при наличии судимости (120 документов), совершивших преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ (30 документов), а также с применением отдельных мер уголовно-правового воздействия – конфискации имущества, мер воспитательного воздействия, судебного штрафа (в библиографии это ссылки с № 244 по 495; ссылки на конкретные дела – на с.257, 268-269, 335-336, 336-337, 337-338, 339, 340-341, 364, 374, 401, 478 (обоснование репрезентативности данных), 479-488, 502, 514, 515, 516, 525 диссертации); данные, полученные в процессе проведения анкетирования 136 работников научных и образовательных организаций и специалистов в области практики применения уголовного закона (в общем числе опрошенных 63% имели ученую степень кандидата юридических наук, 19% – степень доктора наук, остальные 18% – высшее юридическое образование без ученой степени) (приведены в приложении к диссертации и на с. 42-43, 44, 58, 59, 60, 129, 131, 137-138, 142, 143, 146, 151-152, 179, 181, 233, 234, 235, 243, 263, 300, 310, 333, 334, 340, 354, 359, 366, 412, 470, 485, 491, 513, 519, 524, 525, 526, 530 диссертации); итоги статистического анализа данных Главного информационно-аналитического центра МВД РФ и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ о состоянии преступности и судимости отдельных категорий лиц в период с 2000 по 2024 гг.

Основываясь на всей совокупности эмпирического материала, можно подтвердить безусловную *репрезентативность полученных автором данных*.

Научная новизна работы определяется уже отмеченными в обосновании актуальности моментами, а также достижением цели диссертационного

исследования. Главное проявление научной новизны диссертации В.Н. Куфлевой заключается в создании глубокого и внутренне непротиворечивого уголовно-правового учения о лице, совершившем преступление. На основе анализа уголовного и иноотраслевого законодательства, большого массива научных идей, высказывавшихся в правовой доктрине вообще и доктрине уголовного права, уголовной политике, криминологии, и др. источниках, используя практику применения уголовного закона и результаты собственных социологических исследований, автор разработала и обосновала авторскую Концепцию лица, совершившего преступление, включающую целый ряд новых положений и решение основополагающих вопросов в этой области.

Научная новизна диссертационного исследования ярко проявилась также в новизне положений, вынесенных автором на защиту, многие из которых должны быть поддержаны и одобрены.

Можно говорить о теоретической и практической значимости исследования, предпринятого В.Н. Куфлевой. Теоретическая значимость, при этом, опирается на научную новизну исследования и выражается в том, что на основе изучения теоретического и эмпирических (в том числе полученных лично) материалов предложено авторское видение категории «лицо, совершившее преступление», увязанное практически со всеми институтами и категориями уголовного права, отличающееся цельностью и научной значимостью. Теория может найти применение в последующих научных исследованиях и дать им толчок, новое направление и развитие. Практическая значимость исследования В.Н. Куфлевой состоит в возможности использования выводов автора в законотворческой работе (при изменении норм уголовного законодательства), по отдельным положениям – в правоприменении, а также в преподавательской деятельности.

Апробация результатов диссертационного исследования В.Н. Куфлевой вполне достаточна. Автор имеет 65 научных работ, в том числе 31 статью в ведущих рецензируемых научных изданиях, две монографии и является автором одного из разделов монографического Академического курса уголовного права.

Публикационная активность при этом подтверждена периодом с 2011 по 2026 гг., т.е. осуществляется непрерывно на протяжении шестнадцати лет.

Результаты диссертации докладывались на целом ряде научно-практических конференций, в том числе международных и зарубежных, в период с 2012 по 2026 гг., а также прошли апробацию посредством внедрения в практическую деятельность Верховного Суда Республики Крым, Краснодарского и Ставропольского краевых судов.

Учитывая все сказанное выше, соответствие диссертации тем параметрам, которые являются обязательными для подобного научного труда, следует признать результаты диссертационного исследования В.Н. Куфлевой достоверными и обоснованными, репрезентативными и полученными самостоятельно.

Структура работы. Она состоит из введения, пяти глав, делящихся на параграфы (всего их пятнадцать), заключения, библиографического списка и приложения, содержащего результаты анкетирования, посвященного уголовно-правовой характеристике нормативного и теоретического статуса лица, совершившего преступление.

Первая глава диссертации посвящена лицу, совершившему преступление, в категориальном аппарате уголовно-правовой науки. Автор последовательно останавливается здесь на общей характеристике лица в уголовном праве; лице, совершившем преступление, и уголовно-правовых отношениях; лице, совершившем преступление, и смежных уголовно-правовых понятиях.

В числе важных положений в этой главе можно отметить, например:

- положения о соотношении субъектов права и субъектов правоотношений, о невозможности признания общества субъектом уголовного права и о признании субъектом уголовного права только государства и лица (с. 44-48, 63 и др. диссертации); очень важную авторскую ремарку «неравные субъекты правоотношений должны входить в эти отношения в качестве равных субъектов права», и далее – применительно к уголовному праву: «государство и иные лица как субъекты уголовного права должны обладать не столько равным, сколько...

равновеликим статусом» (с. 57 диссертации); понятие правосубъектности лиц в уголовном праве (с. 63 и др. диссертации) (первый параграф);

- положение о том, что «будучи субъектами уголовного права, т.е. лицами, к которым обращены требования норм уголовного закона, невменяемые и не достигшие возраста уголовной ответственности не могут рассматриваться в качестве субъектов уголовно-правовых отношений» (с. 86 диссертации) (второй параграф);

- промежуточный вывод и основание конструкции учения о субъекте - положение о том, что «лицо, совершившее преступление, – это не более чем уголовно-правовое наименование человека, совершившего преступное деяние»; статусы у него могут быть самыми разными (с. 102-103 и др. диссертации); авторские рассуждения об изменении правовых статусов лица, совершившего преступление - от лица, подлежащего уголовной ответственности, – к лицу, признанному виновным и освобожденным от ответственности или осужденным, или судимым – все это В.Н. Куфлева называет динамикой индивидуального правового статуса (с. 111-117 и др. диссертации); рассмотрение понятия «субъект преступления» как некой юридической конструкции, при соотнесении с которой признаков конкретного лица (в процессе квалификации преступления) устанавливается факт соответствия или несоответствия данного лица установленным признакам состава (с. 120-121 диссертации) (третий параграф).

Вторая глава диссертации называется «Правовой статус лица, совершившего преступление». В.Н. Куфлева рассматривает здесь взаимосвязь принципов уголовного права и правового статуса лица, совершившего преступление; статус лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений; статус лица, совершившего преступление, за рамками уголовно-правовых отношений.

В качестве новых и / или достаточно аргументированных положений в этой части диссертации отметим, например, следующие:

- признание перспективным вопроса о включении в предметное содержание вины признака сознания уголовной противоправности деяния; совершенно

справедливо автор связывает реализацию субъективного вменения именно с таким подходом к осознанию противоправности (с. 142-143 диссертации) – первый параграф, хотя, заметим здесь, что его (самостоятельного параграфа) необходимость, принимая во внимание и те очевидные выводы, которые сделаны автором, в аспекте темы диссертации не выглядит убедительной;

- положения о праве лица, совершившего преступление, на наказание, в противовес тому, что чаще в доктрине за этим лицом признается только обязанность понести наказание. Следует согласиться с диссертантом, что право на наказание включает в себя его право на защиту от неправовых форм разрешения криминального конфликта, а также право этого лица нести наказание только за то, что оно совершило, и то, что признается преступлением надлежащим и действующим уголовным законом (с. 167 – 171 диссертации); положение о том, что очевидная, на первый взгляд, обязанность лица не совершать преступление требует осмысления и доказательств. «Уголовный закон (по общему правилу) не может одновременно устанавливать и правовые обязанности в различных сферах правового регулирования, и уголовную ответственность за их нарушение», в связи с чем эта обязанность выводится из конституционных положений о необходимости соблюдения Конституции и законов, а также невозможности нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав (с. 172-176 и далее диссертации); выводы относительно лица, совершившего преступление, в том случае, если уголовно-правовое отношение прекращается (с. 187-188 диссертации) – второй параграф;

- весь параграф, посвященный статусу лица, совершившего преступление, за рамками уголовно-правовых отношений (третий параграф второй главы). Согласимся, в частности, с тем, что вполне возможно ««параллельное» существование правоограничений, вытекающих из факта привлечения лица, совершившего преступление, к различным видам ответственности» (с. 212 диссертации). Единственное, чего не хватает в анализе, содержащемся в указанном параграфе, - это критической оценки тех последствий, которые

наступают для лица, когда-то совершившего преступление, вне связи с конкретным преступным поведением и не зависят от снятия судимости.

В третьей главе диссертации автор исследует структурно-содержательный анализ понятия «лицо, совершившее преступление», анализируя концепты: «лицо» в структуре понятия «лицо, совершившее преступление»; «совершение» в структуре понятия «лицо, совершившее преступление»; «преступление» в структуре понятия «лицо, совершившее преступление».

По этой главе согласимся, в частности,

- с несколько неожиданным, но вполне аргументированным подходом к тому, что, рассматривая понятие «лицо» как самостоятельный концепт в понятии «лицо, совершившее преступление», следует одинаково подходить к двум обсуждаемым сейчас возможным субъектам уголовно-правовых отношений – юридическим лицам и искусственному интеллекту (с. 237 – 239 и далее диссертации); с таким утверждением, как: «наделение неличностных субъектов статусом субъекта преступления «взрывает» учение о составе преступления как центральную, системообразующую отраслевую концепцию» и убедительной аргументацией этого положения (с. 241 и далее диссертации); наконец, с положением о том, что «уголовное право должно реагировать не столько на причинение вреда юридическими лицами или системами искусственного интеллекта, сколько на факты использования человеком неличностных субъектов для нарушения социальных норм и в целях причинения вреда» (с. 248 диссертации), во всяком случае, до той поры, пока человеческий мир еще существует, заметим от себя. Но если его не станет, то и право исчезнет, на его место придут технические правила, не сообразные никакой морали. Верно пишет В.Н. Куфлева: «сохранение существующих положений о возможности признания субъектом преступления и субъектом уголовной ответственности исключительно человека следует рассматривать как компонент системы сохранения человекомерности уголовного права и защиты права от его дегуманизации» (с. 249 диссертации) – первый параграф;

- по второму параграфу этой главы см. замечание;

- положениями о соотношении и взаимовлиянии понятий «общественная опасность деяния» и «общественная опасность личности» (с. 298 и далее диссертации) и их месте в понятии «общественная опасность преступления». Согласимся с тем, что «в качестве признака преступления наука и практика должны рассматривать не общественную опасность вообще, без указания на ее источник ..., а только общественную опасность совершенного лицом деяния, определяемую его объективными и субъективными признаками. Именно общественная опасность деяния – признак преступления и суть основание уголовной ответственности. То, что в науке традиционно именуется общественной опасностью преступления, на самом деле следует воспринимать как комплекс «опасность деяния + опасность личности», необходимый для справедливого разрешения уголовно-правового конфликта» (с. 304 и далее диссертации) – третий параграф.

Четвертая глава диссертации посвящена лицу, совершившему преступление, в системе оснований применения мер уголовно-правового характера. В.Н. Куфлева анализирует лицо, совершившее преступление, и основание установления уголовной ответственности; лицо, совершившее преступление, и условия привлечения к уголовной ответственности; лицо, совершившее преступление, и систему мер уголовно-правового воздействия.

Здесь следует отметить:

- положения о том, что теория опасного состояния личности не востребована в настоящее время в уголовном законодательстве, и это верно (с. 346-347 диссертации). Единственное, *хотелось бы попенять автору за то, что и здесь отсутствует критический взгляд на ту ситуацию, которую она подробно комментирует в связи со ст. 210.1 УК.* Да, согласимся, суды привлекают к уголовной ответственности в рамках этой статьи за конкретные деяния. Однако, разве об этом в самой статье идет речь? То, что вменяют лицам, полностью укладывается в рамки ч. 4 ст. 210 УК. И потому мы имеем двойное вменение одного и того же. Разве это соответствует и букве, и духу уголовного закона? Потому одной только ремарки о необходимости совершенствования нормы, даже

с предложением ее возможной редакции (с. 345 диссертации) здесь явно недостаточно – параграф первый;

- верное утверждение о том, что признаки, характеризующие лицо, совершившее преступление, не определяют суждений об опасности самого преступления, однако эти признаки имеют значение для решения вопроса о том, заслуживает ли лицо, совершившее преступление, осуждения и наказания от имени государства (с. 361 – 362 диссертации); положение о том, что «опасность и состав – тесно связанные категории; признаки состава преступления отражают общественную опасность криминализированного деяния. У признаков субъекта иная роль: не формирующая опасность, а ограничивающая ответственность» (с. 366 диссертации); достаточно аргументированную, хотя и высоко дискуссионную позицию о необходимости выведения субъекта преступления из признаков состава преступления (значительная часть второго параграфа, в частности, с. 360 – 369 диссертации); абсолютно, на наш взгляд, правильный подход (негативный) к административной преюдиции в уголовном праве (с. 379 – 380 и другие диссертации) – второй параграф;

- вытекающую из доказанности положений, указанных выше, позицию В.Н. Куфлевой о том, что «основанием уголовной ответственности в современном российском уголовном праве выступает опасное деяние, содержащее все признаки состава преступления, а условием уголовной ответственности – способность лица, его совершившего, в силу возраста, состояния здоровья и уровня развития осознавать характер своего деяния и руководить им» (с. 382 диссертации); авторскую позицию по конфискации имущества (неотнесение ее к наказанию, с. 385-386 и далее диссертации); верное положение о том, что конфискация и меры медицинского характера представляют собой меры безопасности, а вместе с мерами ответственности – меры уголовно-правового воздействия (с. 395 диссертации), отдельно следует похвалить удачную схему соотношения указанных понятий (следующая страница диссертации). Правда, заметим здесь же, что далее в работе есть суждение, на первый взгляд, колеблющее указанный вывод: диссертант соглашается с оценкой правовой природы мер уголовно-правового

характера, данной В.Д. Филимоновым (с. 407 диссертации), однако этот вывод основан на ограниченном понимании таких мер, противоречия в позиции нет; систему мер уголовно-правового воздействия (с. 415 диссертации) – третий параграф.

Наконец, в *пятой главе* диссертант останавливается на уголовно-правовой дифференциации лиц, совершивших преступление, последовательно рассматривая теоретические и статистические аспекты уголовно-правовой дифференциации лиц, совершивших преступление; лицо, впервые совершившее преступление; лицо, повторно совершившее преступление.

Отметим здесь, в частности:

- попытки (вполне удачные) решения проблемы дифференциации лиц, совершивших преступление (с. 419 и далее диссертации); интересным представляется аналитический обзор лиц, ранее судимых и ранее не судимых, ранее совершавших преступления и т.д. (с. 435-448 диссертации), а также тех преступлений, которые совершаются лицами из разных типологических групп (с. 448-452 диссертации); выделение типологических групп лиц на основе кратности совершенных деяний (с. 440 – 456 диссертации) – первый параграф;

- авторские подходы к понятиям лица, впервые совершившего преступление (второй параграф), и лица, совершившего преступление повторно (третий параграф), которые В.Н. Куфлева рассматривает как зеркальные конструкции (с. 466 диссертации). За основу этих понятий взята определенная государственная реакция на совершенное преступление – осуждение с наказанием и судимостью (ее отсутствие или наличие).

Работа легко читается, грубых юридических ошибок не содержит.

Давая общую положительную оценку диссертационного исследования В.Н. Куфлевой, укажем на отдельные спорные его моменты и недостатки, *кроме тех, которые уже отмечены курсивом выше*:

1) *представляется, что позиция диссертанта по оценке потерпевшего в структуре уголовного правоотношения не слишком убедительна.* Так, В.Н. Куфлева на с. 79 диссертации (см. также с. 98 диссертации) отмечает:

«потерпевший, не будучи субъектом уголовного права, не может выступать и субъектом уголовно-правовых отношений, т.е. не относится к категории «лиц» в уголовном праве». Соглашаясь с тем, что между потерпевшим и совершившим преступление лицом возникают гражданско-правовые отношения, мы бы акцентировали это положение оборотом «чаще всего». Есть ситуация, которая показывает, что потерпевший иногда напрямую участвует в уголовно-правовых отношениях: когда осуществляет примирение с виновным, что дает последнему возможность освобождения от уголовной ответственности. Кроме того, потерпевший – как любое лицо, еще до приобретения статуса потерпевшего, выступает одним из субъектов уголовного права;

2) *сложно согласиться со следующим утверждением диссертанта:* «обязанность (понести ответственность за совершенное деяние – Н.Л.) – это не обязанность быть подвергнутым назначению мер воздействия (иное означало бы возложение на государство обязанности каждый раз реализовывать свое право на наказание, то есть (так в диссертации – Н.Л.) неоправданное и неконституционное ограничение государства в реализации его свободы усмотрения на применение права наказания), это обязанность претерпеть назначенные меры» (с. 179 диссертации). Прежде всего, меры уголовно-правового воздействия не обязательно, на наш взгляд, включают в себя уголовное наказание; отказ от уголовного преследования лица в некоторых ситуациях, описанных в уголовном законе, – это тоже уголовно-правовое воздействие. Кроме того, несмотря на дальнейшие оговорки диссертанта о том, что обязанность претерпеть назначенные меры не означает, что лицо, совершившее преступление, не может оспаривать такие меры, в предложенной выше формуле, все-таки, этот аспект «безмолвности» (и, добавим, бесправности, в связи с этим) субъекта преступления присутствует. Наконец, сама автор признает, что существует значительный срок (или время) в развитии уголовно-правовых отношений (от их возникновения до вынесения судебного решения), когда лицо ничего не претерпевает (с. 182 диссертации);

3) *сомнение вызывает авторское истолкование концепта (по ее выражению) «совершение» в обороте «лицо, совершившее преступление» (параграф 2 главы 3 диссертации).* Представляется, что происходит искусственное разделение тех понятий, которые не могут быть разделены, чтобы не потерять смысловой нагрузки всего понятия. Понимание «совершения» как деяния (исключающего мысли), при этом, обладающего известными признаками, относящимися к субъекту (осознанностью и пр.), а не, скажем, и как процесса (хотя автор и это мельком проговаривает), направленного на преступление, и в этом смысле прикосновенного к нему, лишает убедительности авторскую конструкцию отнесения к понятию совершения преступления preparatory действий. А В.Н. Куфлева вмещает в термин «совершение» вообще все (или почти все), что относится к признакам объективной стороны преступления, в том числе, например, и детерминационные связи, и проблему причинной связи при бездействии, можно продолжать. Представляется, однако, что не все термины, используемые в уголовном законе, имеют свое собственное значение, иногда это лишь связь между другими терминами;

4) и еще одна констатация, на основе изучения изложенного в выше названном параграфе: *едва ли возможно и, главное, правильно решать все проблемы уголовного права через ту категорию, которая является приоритетной для диссертанта, - через субъекта, даже отдавая дань тому, что это крайне важная и центральная (одна из них) категория в уголовном праве.* Можно говорить о стремлении (впрочем, простительном для увлекающегося исследователя) к гиперболизации отдельных понятий. Впрочем, это замечание – характеристику можно смело отнести ко всей, действительно содержательной и сильной, работе диссертанта;

5) *замечания более технического свойства, нежели содержательные, хотя они не менее важны для учета:* есть ошибки, приводящие к непониманию отдельных положений диссертации. Так, на с. 57 диссертации читаем (выделения мои – Н.Л.): «Вопрос о необходимости или целесообразности разработки в уголовном праве отраслевых понятий *уголовно-правовой правоспособности*

и дееспособности как элементов *уголовно-правовой правоспособности* субъектов права». Видимо, во втором случае имелась в виду не правоспособность, а правосубъектность.

Положения автореферата полностью совпадают с положениями введения, которые содержатся в тексте диссертации.

ОБЩИЙ ВЫВОД: Отмеченные недостатки не влияют на теоретическую и прикладную ценность проанализированного труда, а также не препятствуют следующим выводам:

1. Содержание диссертации «Теоретические основы учения о лице, совершившем преступление» в полной мере соответствует паспорту специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

2. Диссертационное исследование Валентины Николаевны Куфлевой на тему «Теоретические основы учения о лице, совершившем преступление» является законченной, самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения авторской Концепции, посвященной лицу, совершившему преступление, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, что соответствует положениям абз. 1 п. 9, пп. 10-14 раздела II «Критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней» постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (в действующей редакции).

3. Автор исследования – Валентина Николаевна КУФЛЕВА – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Отзыв на диссертацию Валентины Николаевны Куфлевой подготовлен доктором юридических наук (по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), профессором, профессором кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» Натальей Александровной Лопашенко,

